

ГЛАВА 1

Ладога, 890 год

С вершины Дивинца поднимался столб дыма, хорошо видный в ясный весенний день. Это означало, что по Волхову идут от моря варяжские корабли — первые в это лето. Приближался к концу месяц березень, и Домагость, ладожский старейшина и хозяин самого крупного в нынешней Ладоге гостиного двора, так рано их не ждал — думал, как всегда: справим Навью Седмицу, отгуляем Красную Горку, а там и за летние хлопоты примемся. Но приплыли, так приплыли.

С мыса над устьем Ладожки было хорошо видно широкий Волхов внизу и лодьи на нем. Первым весенним гостем оказался старый знакомый — Вестмар Лис. Домагость сразу узнал его, увидев на носу передней снеки рослого, довольно худощавого мужчину лет тридцати пяти, со светлыми волосами, заплетенными в косу, светлой бородкой, в широких розовых штанах, крашенных корнем марены, синей верхнице и лисьей безрукавке мехом наружу. Приятели шутили, что Вестмар носит лисью шкурку, чтобы ловчее вести свои торговые дела. На груди у него красовалась железная гривна с двумя подвесками в виде молоточков, которые называются «торсхаммер» и которые так любят уроженцы Земли Свеев. В этот раз с Вестмаром пришло аж три корабля — то ли разбогател

за прошедший год, то ли нашел новых товарищей. Наметанным глазом Домагость оценил сложенный груз: тюки, обернутые от морской воды тюленьими шкурами, бочонки — видимо, соль. На тюках, бочонках, просто на днище сидели, плотно прижавшись друг к другу, десятка два женщин — все молодые, одетые в потрепаннные рубахи, серые и грязно-черные. Надо думать, пленниц везет на продажу. Значит, собрался не до Ладоги и обратно в Варяжское море, а дальше, на Волжский путь. Вестмар Лис был одним из немногих, кто решался изредка отправляться в те края — до болгарской земли. Потому и людей так много вел с собой — меньшим числом слишком опасно. Обычно варяжские торговые гости являлись в Ладогу, обменивали свои товары на местные и в то же лето отправлялись обратно, чтобы успеть с ладожскими мехами и медами попасть в какие-нибудь вики при Варяжском море, где на этот товар была хорошая цена.

Посмотрев, как первый из кораблей входит в устье Ладожки, Домагость спустился с мыса и пошел к берегу — встречать. Вестмара Лиса он знал хорошо — в прежние годы они немало вечеров провели вместе, распивая то пиво, то брагу, обсуждая дела всех на свете стран и народов, о которых Вестмар, посещающий в год два-три вика, знал довольно много.

Когда Вестмар сошел на берег, Домагость уже ждал на мостках, ведущих от воды до гостиного двора, по привычке засунув пальцы за пояс и широко расставив ноги, как истинный хозяин этой земли. Возле него стояли сыновья, ради такого случая бросившие работу: Доброня и Братоня, оба прямо из кузни, в передниках из бычьей кожи, а еще Велем и даже тринадцатилетний Витошка, младший. За спиной толпились пять или шесть челядинов, готовых помочь, если надо, с переноской груза. И позади всех, поодаль, перед дверью дома, собрались Домагостевы женщины — жена, дочери и челядинки. Прибытие первого гостя в году — всегда событие, всегда радость для людей, полгода не видевших новых лиц. Весь свободный от работы народ, привлеченный дымом над Дивинцом и видом идущих кораблей, бежал отовсюду — посмотреть, кто приехал, что привез.

— Хейль ду, Вестмар Халльвардссон! — Домагость приветственно поднял руку. За полтора века совместного проживания

ладожане настолько свыклись и сроднились с варягами, что даже малые дети здесь могли связать несколько слов на северном языке, а уж в семействе Домагостя легко объяснялись даже челядины. — Привет тебе! Порадовал ты нас, мы еще и ждать не начали. Хорошо ли добрался?

— Поздорову ли, Домагаст Витонещич? — в ответ по-словенски выговорил Вестмар. Он довольно хорошо знал словенскую речь, хотя некоторые звуки ему не давались. — Рад видеть тебя живым и довольным. Если я первый, то у тебя есть место? У меня в этот раз много людей, а еще рабыни. Я надолго задерживаться не хочу, но если у вас еще холодно по ночам, то нужно найти им место под крышей. Это все молодые женщины, и мне хотелось бы довести их живыми и по возможности здоровыми. Они и так ослаблены, их захватили давно и уже больше месяца возят по морю: сначала в Хейдабьюр, потом на Бьёрко.

— А что так — цены не давали? — Домагость окинул взглядом головы пленниц. Люди Вестмара тем временем начали понемногу переносить груз с кораблей на берег, челядины Домагостя покатали бочонки по мосткам к клетки.

— В Хейдабьюре, говорят, с прошлого лета очень низкие цены на рабов, их из Бретланда привозили очень много. Иггвальд конунг не стал продавать их там и привез на Бьёрко, а там боги послали ему меня. Мы сторговались очень выгодно: полмарки за каждую сейчас и еще полмарки — когда продам и вернусь. Я не мог упустить такой удобный случай. Но теперь мне придется везти их на Олкогу¹. Хорошо еще, уговорил Фасти Лысого и Хольма Фрисландского поехать со мной. Иначе у меня не хватило бы людей для такой поездки. А что тут у вас? Как ваши соседи? Твой родич с озера Ильмерь² еще не провозгласил себя конунгом?

— Да кто ж ему даст?

¹ Олкога — скандинавское название Волги, возможно, они считали ее и Оку за одно. (Здесь и далее прим. авт., если не указано иное.)

² Поскольку название озера Ильмень происходит от угро-финского «иль-мари», что значит «небесное», первоначальная форма славянского названия, вероятно, была Ильмерь.

Следом за Вестмаром с корабля спустились два парня, на вид лет шестнадцати-семнадцати, и остановились за спиной варяга — оба в простой некрашеной одежде, один в вязаной шапочке, другой в войлочной. Лица их с едва пробившимся юношеским пушком выражали скрытое недоумение и надменную замкнутость — как у простачков с хутора, впервые оказавшихся среди множества незнакомых людей и боящихся ударить лицом в грязь.

— Да это никак твои сыновья? — с улыбкой заметил Домагость, окинув юнцов любопытным взглядом.

Вестмар оглянулся.

— Нет, это сыновья моей сестры, — слегка скривившись, ответил он. — Младшие. Старший унаследует усадьбу, а этих двоих она хочет пристроить к торговому делу и попросила меня взять их с собой. Их зовут Свейн и Стейн, сыновья Бергфинна. Если не запомнишь, кто какой, не беда.

— Свеньша и Стеньша, стало быть! — Домагость усмехнулся. — Ну, это нам запомнить не мудрено, у меня самого шурь Свеньша, Синибернов сын. Дивляна! — закричал он, обернувшись к дому, и призывно взмахнул рукой.

Возле двери дома стояли две девушки, с любопытством разглядывая гостей. Всякий понял бы, что это родные сестры, погодки или около того, в самой поре, что называется, маков цвет. У обеих были золотисто-рыжие волосы, мягкие, густые и пышные, с задорными и милыми кудряшками на висках и надо лбом. Старшая, Яромила, повыше ростом, могла считаться настоящей красавицей, так что дух захватывало при взгляде на ее белое лицо с правильными чертами, красивый нос с легкой горбинкой, тонкие черные брови с маленьким надломом, оттеняющие голубые глаза. При этом сразу было видно, что она умна, обладает ровным нравом и умеет со всеми ладить. На весенних девичьих праздниках она уже лет пять была единодушно избираема Лелей, а на Ярилиных днях водила девичьи «круги» и запевала песни во славу весенних богов. В нарядно вышитой светлой рубашке из беленого льна, с пышным венком на золотисто-рыжих волосах, она выглядела истинной Солнцедевой. Вестмар однажды обмолвился, что на болгарских торгах смело просил бы за такую кра-

савицу столько серебра, сколько она сама весит, и непременно получил бы. Милорада, мать девушек, скривила губы, подумав, не обидеться ли на такую «похвалу», но Домагость только хмыкнул: привыкнув оценивать людей, особенно женщин, как возможный товар, Вестмар Лис дал Яромиле наивысшую цену.

На зов отца подошла ее младшая сестра. Однако и при виде нее Вестмар невольно приосанился и даже провел пальцами по усам.

— О, Диви... лин! — Вестмар попытался правильно выговорить ее имя, но получилось не очень, и он продолжил на родном языке: — С каждой весной она становится все красивее. Удивительно, что еще никто ее от вас не увез, — но я очень рад этому.

Девушка поклонилась, пряча улыбку. К этой весне Дивляне исполнилось шестнадцать лет, и, по мнению ладожан и заезжих гостей, она мало чем уступала старшей сестре. Со светло-рыжими волосами и белым лицом, на котором, однако, по весне появлялось немного веснушек, с яркими серыми глазами, черными бровями и ресницами, небольшим прямым носом, подвижная, веселая, она всегда будто искрилась радостью и жизнелюбием, и мать в детстве называла ее «искорка моя». Даже то, что Дивляна была невелика ростом, делало ее облик еще более драгоценным, словно золотой перстень, который хоть и мал, но дорого стоит. Сообразительная и бойкая, она не робела многочисленных торговых гостей, среди которых прошла вся ее жизнь, но умела оберегать свое достоинство. И то сказать: среди ладожских дев никого не нашлось бы выше родом, чем дочери Домагостя. Прадедом их, ни много ни мало, был ильмерский князь Гостивит, а дед Витонег стал первым ладожским старейшиной после изгнания руси¹, и он же вел словенские дружины, сбросившие в Невозеро Люта Кровавого и его людей.

— Возьми этих двоих, отведи в дом, — велел Домагость, показывая ей на племянников Вестмара. — Это сестричи его.

— И пусть они не устраиваются на лавках с таким видом, будто уже умирают, а готовят места для всех моих людей, — на-

¹ Русь — морские дружины из Средней Швеции, промышлявшие разбоем; варяги — мирные торговцы скандинавского происхождения.

путствовал их Вестмар. — Да уж, случись мне их продавать, я бы много не выручил... — пробурчал он себе под нос.

Дивляна засмеялась, бросив лукавый взгляд на двух юных гостей, имевших растерянный и довольно глупый вид. Они много слышали об этом вике — Альдейгье, которую на морях называли Воротами Серебра. Однако вид ее их разочаровал — ничто здесь не говорило о легендарных богатствах, уже более ста лет протекающих этим путем с Севера на Восток и обратно. Вик Альдейгья был обычным поселком, причем маленьким. От подножия мыса, где они находились, в поле зрения попадало не более десятка строений, из них большим был только гостиный двор, а остальные — обычные срубные жилища, беспорядочно разбросанные на возвышенной части берега среди протоков и обрывистых склонов, которые сами по себе служили поселению неплохой защитой. Здесь же впадала в Волхов небольшая темная речка, заросшая болотной травой и кустами. Углубленные в землю избы казались еще меньше, чем были на самом деле. Между ними, на заросших пустырях, кое-где виднелись черные полосы свежевскопанных огородов, паслись козы, веревками привязанные к колышкам. Лежали у воды рыбацьи челны, сушились сети, на кустах у малой речки сохли выстиранные рубахи и порты.

— Этот вик такой маленький? — с разочарованием спросил у девушки парень в вязаной шапочке. — А мы слышали, что это один из крупнейших вигов на Восточном пути.

— Это еще не все, — ответила девушка. — Здесь только мы да Братомеровичи, да Синиберновичи и Вологор с семейством, все наше сродье, а там дальше тоже люди живут. — Она показала вдоль берега Волхова. — На несколько верст еще... ну, на целый «роздых», по-вашему. Здесь много людей. Правда, не так много, как при свеях, когда тут сидел ярл Лют Кровавый и дань собирал. Зато теперь мы сами себе хозяева и дани никому не платим.

— Зато теперь нет дороги по Восточному пути, — пробурчал парень в войлочной шапочке. — Раньше, при свеях, серебро текло рекой, а теперь... Дядя говорил, что люди, которые живут вдоль Восточного пути, враждуют между собой и все норовят собрать как можно больше с проезжающих торговцев, а то еще и ограбить! Только наш дядя Вестмар может ездить здесь, по-